

Он подарил нам целый мир

Эта фотография была отобрана для одного из первых Стоп-кадров. Я хотел рассказать о человеке, которого знали и любили не только москвичи, но и вся наша тогда еще неоглядно большая страна. Его песни — веселые и печальные, полные любви к людям, сострадания и надежды — летели по миру, согревая сердца, помогая жить, надеяться, верить. Они сами были целым миром, который он вместе с прекрасными поэтами, бывшими его соавторами и друзьями щедро подарил нам. О надежды и навсегда.

Я говорю о Евгении Мартынове. Он был и моим другом. И, как в шутку говаривал Женя, товарищем по борьбе: оба закоренелые провинциалы, мы практически одновременно «обжиwali» уютную для «пришельцев» столицу. Тогда, двадцать лет назад, это было особенно трудно: прописка, квартира, телефон требовали соизволения самых высоких инстанций, сотен решений, резолюций и постановлений.

Слава Богу, у нас были настоящие друзья, без которых не выжить бы в «образцовом коммунистическом городе».

Но не об этом хотел рассказать я, взяв одну из самых ранних московских фотографий Жени Мартынова — ему тогда не было и тридцати — а о рождении первых его песен, среди которых была одна и наша с ним, оказавшаяся для меня единственной, а потому особенно памятной и дорогой. Хотел рассказать да не сумел, ибо не смог сразу установить, где и когда был сделан этот снимок.

Его в ту пору снимали много и охотно, поскольку был он одним из самых популярных, самых любимых на песенной эстраде Москвы. Кумир. «Звезда», ослепительно засверкавшая на столичном небосклоне.

Что до этого?

Донецкий музыкально-педагогический институт — классы кларнета



Евгений Мартынов

и оперно-хорового дирижирования. Неистовая, фанатичная увлеченность музыкой и медные гроши, на которые пришлось постигать ее тайны. Однажды он рассказал мне, как там, у себя дома, бегал на вокзал, собирал пустые бутылки и на вырученные копейки покупал нотную бумагу... Там, в этой бедной, но счастливо озаренной волшебными созвучиями юности, истоки его прекрасных песен — «Отчего дома», «Аленушки», «Волги»...

До этого — до триумфа и признания — попытки не только петь чужое в не очень известном ансамбле, но и писать свое. Начиная с Есенина, ибо любил его, как и всякий русский человек. И сына своего потом Сергеем назвал. И песню — одну из лучших — в зрелую пору Есенину посвятил.

До этого — серьезные профессиональные студии, постижение ремесла. И... трогательная любовь к кларнету, оставшаяся в нем до конца жизни. Как-то я зашел к нему в первую его скромную квартиру у трех вокзалов, и он показал мне два новеньких, только что куплен-

ных кларнета.

— Зачем, Женя? — удивился я, ибо привык видеть его за роялем, а в ту пору, когда еще не было у него своего дома, — за пианино у Андрея Дементьева, чья квартира на Песчаной была для нас с Женей и кабинетом, и гостиной, и мастерской...

— На всякий случай, — хитро улыбнулся он. — Мало ли что. А кларнетик не подведет...

Он быстро, с какой-то поразительной, раздражающей многих легкостью и быстротой, собрал такой урожай наград и званий, на который у большинства уходят многие годы. Мы-то, его друзья, знали, что стоит за этой легкостью, чего стоят эти премии, как неистово, одержимо работает он, забывая обо всем остальном...

Первая привезенная в нашу страну «Золотая Братиславская лира» была его, Евгения Мартынова. За ней — серебряная награда на международном конкурсе «Золотой Орфей», регулярные, как смена времен года, премии на телевизионном фестивале в Москве. Пластинки, кассеты, концерты, съемки...

Но там, в самом начале, была, как сказали бы сейчас, судьбоносная песня «Баллада о матери». Точнее, судьбоносная для Жени встреча с поэтом Андреем Дементьевым. На многие годы стали они соавторами, друзьями, единомышленниками. На всю страну зазвучали «Письмо отца», «А я без Волги просто не могу», «Лебединая верность»... Потом — «Отчий дом», «Аленушка», «У Есенина день рождения», «Натали», «Чайки над водой»...

Женя написал много хороших песен с Ильей Резником, Робертом Рождественским, Андреем Вознесенским, Николаем Добронравовым, Сергеем Островым, Давидом Усмановым, но самыми счастливыми, самыми солнечными были для него те дни, когда приходил он на Песчаную. И не было конца музыке,

стихам, спорам, розыгрышам, шуткам.

Однако вернемся к фотографии.

Я перебрал добрый десяток снимков той счастливой для нас обоих поры, но ни на одной не обнаружил даты. Подписи, пожелания — все это есть, а вот число отсутствует. В конце концов отложил снимок до лучших времен. И вот недавно, занимаясь совсем другой работой, связанной с моими «Тверскими досугами», в одной из папок наткнулся на большой коллективный снимок, на обороте которого оказались столь необходимые мне «координаты». Сделан он в октябре 1975 года на арене цирка в городе Калинин, где завершался областной конкурс молодежной песни. В качестве почетных гостей были приглашены на «гордые волжские берега» Андрей Дементьев, Евгений Мартынов и автор этих строк, к тому времени тоже ставший «песенником».

Вот они трое рядышком стоят на манеже в тесном окружении комсомольского начальства и Александра Маслякова, который этот конкурс вел.

На Жене тот же самый, что и на отобранном мною снимке, вельветовый пиджак. Тот же галстук, та же рубашка. Словом, фотография сделана в калининском цирке. День этот оказался для меня памятным еще и потому, что Евгений впервые исполнил там только что написанную нами песню «Царевна с нашего двора».

Я был счастлив и горд, ибо сам Мартынов положил на волшебные свои ноты мои стихи, и спел — да еще как! — перед моими земляками...

После много было у нас разных концертов в самых престижных залах Москвы. Но тот, первый, на цирковой арене, запомнился особо. Застрял в сердце сладкой записью.

Мы были молоды тогда. И жизнь казалась нам бесконечной.

Алексей ПЯНОВ